

О ПРИЗНАНИИ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РФ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО КЛЮЧА КОНСТИТУЦИОННОСТИ

Выявление конституционных возможностей неизбежности обеспечения реальной защиты, а главное, восстановления и ненарушения органами системы публичной власти конституционных прав и свобод человека требует признания Конституционным Судом методологического ключа конституционности.

Ключевые слова: базовые принципы-гарантии Конституции РФ, кросс-культура, обеспечение, конституционные права и свободы, методологический ключ конституционности, интегрирование институциональных систем.

S.E. Libanova

ON ACKNOWLEDGEMENT OF THE METHODOLOGICAL KEY OF CONSTITUTIONALITY BY THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Acknowledgement of the methodological key of constitutionality by the Constitutional Court of the RF is essential for determining constitutional opportunities of warranted provision of real protection, and, what is more important, of restitution and respect (non-infringement) of civil rights and liberties by public authorities.

Keywords: key principles and warrantees of RF Constitution, cross-culture, provision, constitutional civil rights and liberties, methodological key of constitutionality, integration of public institutions system.

Исследование системы конституционных принципов и гарантий защиты прав человека требует выявления конституционных возможностей неизбежности обеспечения реальной защиты этих прав. Приверженность конституционным ценностям играет стабилизирующую роль, поэтому обеспечение их гарантированной реализации должно стать неизбежным. Требуя пересмотра методологические, гносеологические и системные подходы к принципам права, в первую очередь к основополагающим принципам Конституции РФ, призванным обеспечить неизбежность реализации конституционно гарантированных прав человека (подразумевается гражданина, личности, индивида). Далее в статье словосочетание «права и свободы» сведено к одному слову — «права».

Гарантом обеспечения прав человека является президент РФ, призванный народом обеспечить согласованное функционирование и взаимодействие не только органов государственной власти, но и институциональных систем общества и государства. Субъектами конституционного гарантирования обеспечения прав человека, прямо закрепленными в Конституции РФ, являются органы местного самоуправления (ст. 12); человек (ст. 17, 28, 29, 44, 46, 48); гражданин (особые гарантии от связи с государством, ст. 19, 35, 37, 61) и государство (ст. 17, 28, 29, 44, 46, 48). Политическая воля президента РФ, основанная на ст. 80 Конституции РФ, и деятельность Конституционного Суда (п. 5 ст. 125 Конституции РФ) позволяют нормативное обеспечение прав человека высшим

законом сделать реально действующим. В ч. 1 ст. 15 Конституции РФ закреплено положение о ее высшей юридической силе, прямом действии, применении на всей территории РФ при наличии противоречия ей законов и иных правовых актов. К компетенции Конституционного Суда РФ (ст. 125) (далее КС РФ) отнесено разрешение дел о соответствии Конституции РФ законов и нормативных актов. В силу п. 6 ст. 125 акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу. Налицо коллизия между положениями высшего закона, презюмирующего изначально ничтожность актов и законов (ст. 15) и их недействительность лишь с момента признания таковыми КС РФ. С одной стороны, реализация конституционных прав человека в публичных отношениях с государством в лице органов системы публичной власти обеспечивается правоприменительной деятельностью правосоставительного органа — КС РФ, с другой — до рассмотрения им неконституционного закона на соответствие Конституции РФ он применяется судами, что недопустимо в силу ст. 15 Конституции РФ. Обязанность суда общей юрисдикции или арбитражного суда обратиться в КС РФ с запросом о несоответствии Конституции федерального закона или закона субъекта РФ существует независимо от неприменения неконституционного, по его мнению, закона, что отражено в Постановлении КС РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П по делу о толковании отдельных положений ст. 125–127 Конституции РФ; п. 1, 2 резолютивной части [3, с. 109].

Применение конституционной презумпции, закрепленной в ст. 15 Конституции РФ, в правоприменительной и законодательной деятельности без приостановления судебных разбирательств из-за обращения в КС РФ возможно обеспечить при помощи критерия, очевидного для всех правоисполнителей и правоприменителей, позволяющего определять неконституционность закона или акта. Следование лингвистическому толкованию и конституционным требованиям позволяет утверждать, что обеспечение гарантирования конституционных прав человека должно стать неизбежным в правовом и социальном аспектах. Отметив множественность определений понятий охраны и защиты прав человека, исходя из того, что охрана прав человека понимается нами как состояние их правомерной реализации под контролем и надзором государственных и общественных институтов, но без их вмешательства, защита — как состояние препятствия в их реализации, но еще не нарушения. Охрану и защиту осуществляют правозащитные институты общества и государства, относимые нами к правоохранным. При нарушении прав требуется их восстановление, предполагающее действие правосоставительных органов, обладающих особыми властными полномочиями, реализующих их под профессионально-правовым общественным надзором — демокурией (от лат. *democ* — «народ», *kurij* — «надзор») — институтов гражданского общества. Субъектами реализации демокурийной функции могут быть признаны имеющие конституционный статус институты гражданского общества, осуществляющие публичную деятельность, особо значимую для общества и государства в сфере обеспечения конституционных прав каждого человека и всего гражданского общества. Обеспечение гарантирования прав человека возможно лишь при наличии развитой системы конституционно-правовых гарантий, включающей деятельность не только государственных правоохранительных институтов, выполняющих восстановительные, охранительные и регулятивные функции, но и независимых от государства (экономически и организационно) професси-

онально-правовых правозащитных институтов гражданского общества. Это концептуальное положение отличается от мнения некоторых ученых, полагающих, что государство (его органы) выступает единственным гарантом защиты прав и свобод человека [5, с. 226].

Отличие демократии от общественного надзора заключается в степени эффективности реализации самого надзора со стороны общества, обусловленной профессиональным знанием права надзирающих за органами власти. Для обеспечения неизбежности восстановления конституционных прав человека деятельность субъектов восстановления должна быть эффективной. Критерием степени эффективности является результат действия. Институты гражданского общества не могут в силу непрофессионального знания права эффективно реализовать функцию общественного контроля. Подтверждением данного тезиса является точка зрения М.А. Шафира, отмечавшего, что между конституционным контролем и конституционным надзором существуют определенные различия. Орган, осуществляющий надзор, не может сам ни отменить незаконный акт, ни наказать нарушителя, ни тем более давать оперативные указания по устранению обнаруженных нарушений. Контроль заключается в самом непосредственном вмешательстве контролирующих в деятельность контролируемых [11, с. 208–209]. В основу разделения функций общественного контроля и надзора в сфере обеспечения конституционных прав человека нами положен результат реализации полномочий: для контрольных — окончательность и обязательность указаний, обеспеченная силой государства; для надзорных — лишь предварительность и рекомендательность. Среди негосударственных субъектов системы обеспечения конституционных прав нет ни одного наделенного государством контрольными функциями и властными полномочиями, что подтверждает необходимость введения политической или высшей конституционно-судебной волей единого объективного критерия, разграничивающего конституционность и неконституционность в правоприменительной и законодательной деятельности, понятного и доступного каждому.

В качестве искомого критерия как универсального методологического ключа модернизации конституционного законодательства, являющегося нравственным категорическим императивом всего общества, его кросс-культурой, нами предлагаются три институционально-регулятивных базовых принципа-гарантии Конституции РФ: правовластие — легиспотенция (от лат. legis — «закон, право»; potentia — «власть») [4, с. 483, 647] (ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 15); гарантированность и защищенность государством человека как высшей ценности (ст. 2, 18); народовластие (ч. 2 ст. 3, 32), осуществляемое непосредственно народом через органы власти и местного самоуправления в интересах народа. Следует отметить, что в науке имеется множество определений «кросс-культуры», но нами за основу принято данное Д. Мацумото, который считает ее точкой зрения при понимании истины и принципов, касающихся человеческого поведения в разных культурах [7, с. 10].

Неэффективность правоприменения конституционных принципов и гарантий, принципов и гарантий самой Конституции РФ (нами отличаются принципы и гарантии, непосредственно закрепленные в Конституции РФ, от иных) позволяет аргументировать необходимость введения принципиально новой понятийной категории. Это объективные, конституционные критерии, обеспечивающие эффективную деятельность субъектов конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека по охране, защите, а главное, восстановлению консти-

туционных прав, создающие условия неизбежности восстановления и невозможности нарушения их в будущем из-за экономической нецелесообразности, нравственной непрестижности и неизбежности экономического, административного и уголовного наказания. Их легитимность может быть признана Конституционным Судом РФ (п. 5 ст. 125). Введение предлагаемого критерия в практику правоприменения значительно снизит загруженность Конституционного Суда РФ, позволив ему сконцентрироваться на рассмотрении дел, предусмотренных пп. «в», «г» п. 2, п. 3, п. 5, п. 7 ст. 125 Конституции РФ, исключив обязательность проверки всех законов и актов на соответствие Конституции, обеспечив гармоничное интегрирование институциональных систем государства и общества, приведя к развитию гражданского общества, права которого соблюдаются правовым государством, органы которого презюмируют в своей деятельности ст. 2 Конституции РФ.

Введение новой категории основывается на тесной взаимосвязи принципов и гарантий Конституции РФ. Статья 18 Конституции отражает принцип гарантированного осуществления прав и исполнения обязанностей, имеющий генетическую связь с международно-правовым принципом уважения прав человека и его основных свобод, закрепленным во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Принцип гарантированного осуществления прав и свобод можно рассматривать как систему условий, средств и способов, обеспечивающих их реализацию. Слово «принцип» заимствовано русским языком в XVII в. из французского и немецкого языков и восходит к латинскому *principium* — «начало, основа» [10, с. 254]. Понятие принципов рассматривается учеными как специфичный универсальный методологический ключ к решению той или иной научной задачи [1, с. 193]. И. Кант различал принципы институциональные (только для эмпирического употребления) и регулятивные (только для практического использования). В качестве высшего принципа всего миропорядка он рассматривал всеобщую этическую норму, призванную направлять волю и поведение каждого индивида как разумного существа (знаменитый нравственный категорический императив) [2, с. 133].

Модернизация конституционного законодательства, введение новой концептуальной категории в существующий категориальный аппарат позволят пересмотреть процессы как законотворчества, так и правоприменения без сложной и длительной ревизии всего действующего законодательства на его соответствие Конституции РФ.

В период финансово-экономического кризиса, правового нигилизма, недоверия к судебной власти автор предлагает новую концепцию конституционно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека, основанного на действии базовых принципов-гарантий Конституции РФ и профессионально-правовой демократии и состоящего из пяти элементов: объекты защиты — права и свободы человека; субъекты защиты — государственные органы, государственно-общественные органы, общественные правозащитные объединения и организации, в том числе институт адвокатуры, человек; основания защиты — нормы, закрепленные в источниках отрасли конституционного права; базовые принципы-гарантии Конституции РФ; способы и методы обеспечения конституционных презумпций [6, с. 272].

Высшей инстанцией в области обеспечения прав человека и общества является КС РФ. Но и его деятельность как субъекта третьей ветви государственной власти требует не простого общественного надзора, а демократии. Признание государством прямой демократии за правовластием в

деятельности правоприменителей и законодателей, законодательное закрепление функций и полномочий по ее реализации за отдельными институтами гражданского общества (общественной палатой, адвокатурой, омбудсменом) явятся свидетельствами его заинтересованности в развитии гражданского общества.

Введение конституционного категорического императива как универсального методологического ключа конституционности в деятельности органов системы публичной власти изменит право- и политико-институциональный «контур» в сторону презюмирования прав человека в соответствии со ст. 2 Конституции РФ, обеспечит высокий уровень легитимации среды, позволит не только эффективно реализовать существующие меры правового регулирования и обеспечения законности институциональными системами общества, но и выработать новые.

Соблюдение Россией ст. 1, 6, 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [8] возлагает на государство обязанность создавать и обеспечивать систему эффективных механизмов защиты прав человека, к которым относится создание условий для функционирования свободных и беспристрастных судов, действующих на основе конституционных принципов отправления правосудия. Практическую реализацию положений п. 1 ст. 6 Конвенции призван обеспечить принятый 20 мая 2011 г. указ президента Российской Федерации «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» № 657. Представляется, что введение мониторинга «конституционности в правоприменении» [9] позволит обеспечить верховенство права в правоприменении. Предлагаемый нами вариант обеспечения «конституционности в правоприменении» через действие механизма обеспечения конституционных прав человека, основанного на трех базовых принципах-гарантиях Конституции, обеспечивающих неизбежность реализации верховенства права, будет способствовать достижению результата, ожидаемого от указа президента РФ «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации». Реализация указа возможна путем эффективного надзора общества за неукоснительным применением судами решений КС РФ и постановлений Европейского Суда по правам человека, осуществляемого правозащитными институтами гражданского общества, члены которых являются экономически и организационно независимыми от государства знатоками права, в первую очередь адвокатурой, так как именно адвокаты законодательно признаны единственными легитимными представителями в этих судах. Признание КС РФ предлагаемого автором конституционного категорического нравственного императива и обязательное презюмирование его всеми правоприменителями позволят России не только называться страной, претворяющей в жизнь главные принципы и гуманистические идеи в области обеспечения и защиты прав человека в глазах мирового сообщества, но и гармонично и быстро перейти к последовательному, системному и качественному применению изменившегося в связи с ратификацией Европейской Конвенции законодательства, соответствующего высшему закону — Конституции.

Список использованной литературы

1. Бунге М. Причинность: место принципов в современной науке / М. Бунге. — М., 1962. — 504 с.
2. Кант И. Метафизические элементы учения о добродетели / И. Кант. — СПб., 1809.

3. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного суда России / Л.В. Лазарев. — М.: Формула права, 2006. — 518 с.
4. Латинско-русский словарь / авт.-сост. К.А. Тананушко. — Минск: Харвест, 2005. — 1037 с.
5. Лебедев В.А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России / В.А. Лебедев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. — 268 с.
6. Либанова С.Э. и др. 2000–2010 годы: эволюция и генезис структуры социально-политических отношений в России и за рубежом: междунар. кол. монография: в 3 ч. / С.Э. Либанова и др.; под общ. ред. Д.П. Пискарева, И.Е. Пискаревой. — М., 2010. — Т. 1.
7. Мацумото Д. Психология и культура / Д. Мацумото. — СПб.: Питер, 2002. — 416 с.
8. Распоряжение Президента РФ от 13 февр. 1996 г. № 66-рп // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 8. — Разд. 3. — Ст. 743.
9. Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 // Российская газета. — 2011. — 25 мая.
10. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. — М.: Прозерпина, 1994. — 400 с.
11. Шафир М.А. Компетенция СССР и союзных республик / М.А. Шафир. — М.: Наука, 1968. — 227 с.

Referenses

1. Bunge M. Prichinnost': mesto printsipov v sovremennoi nauke / M. Bunge. — М., 1962. — 504 с.
2. Kant I. Metafizicheskie elementy ucheniya o dobrodeteli / I. Kant. — SPb., 1809.
3. Lazarev L.V. Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo suda Rossii / L.V. Lazarev. — М.: Formula prava, 2006. — 518 с.
4. Latinsko-russkii slovar' / avt.-sost. K.A. Tananushko. — Minsk: Kharvest, 2005. — 1037 с.
5. Lebedev V.A. Konstitutsionno-pravovaya okhrana i zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii / V.A. Lebedev. — М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2005. — 268 с.
6. Libanova S.E. i dr. 2000-2010 gody: evolyutsiya i genezic ctryktypy sotsial'-no-politicheskikh otnoshenii v Pocsii i za rubezhom: mezhdunar. kol. monografiya: v 3 ch. / S.E. Libanova i dr.; pod obshch. red. D.P. Piskareva, I.E. Piskarevoi. — М., 2010. — Т. 1.
7. Matsumoto D. Psikhologiya i kul'tura / D. Matsumoto. — SPb.: Piter, 2002. — 416 с.
8. Rasporyazhenie Prezidenta RF ot 13 fevr. 1996 g. № 66-rp // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 1996. — № 8. — Razd. 3. — St. 743.
9. Ukaz Prezidenta RF ot 20 maya 2011 g. № 657 // Rossiiskaya gazeta. — 2011. — 25 maya.
10. Shanskii N.M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka / N.M. Shanskii, T.A. Bobrova. — М.: Prozerpina, 1994. — 400 с.
11. Shafir M.A. Kompetentsiya SSSR i soyuznykh respublik / M.A. Shafir. — М.: Nauka, 1968. — 227 с.

Информация об авторе

Либанова Светлана Эдуардовна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра государственного права, Курганский государственный университет, г. Курган, e-mail: libany@rambler.ru.

Author

Libanova Svetlana Eduardovna — PhD in Law, Associate Professor, Chair of State Law, Kurgan State University, Kurgan, e-mail: libany@rambler.ru.